

НОВЕЙШИЕ ПОДХОДЫ В ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВООБРАЗОВАНИЯ

Political anthropology (ethnology) plays a great role in social sciences. It concerns the structure of political systems, looked at from the basis of the structure of societies. One of the most important questions of political anthropology is the problem of state formation. There are a lot of scientists who try to give the answers to the main questions: nature of states, their main characteristics, ways and stages of formation, etc. They are H.J.M. Claessen, R.L. Carneiro, A. Southall, E. Service, J. Strayer, H.J. Berman, D. Kurtz and others. Their works can help us to review the problem of state formation in native historiography.

ние которых стимулировало интерес к другим славянским языкам. В известной степени интерес к славянам появился в результате активной внешней политики России в первой половине XIX в.

Действительно, установление родственных связей отдельных народов осуществлялось при непосредственном изучении исторических источников. Однако их свидетельства во многом искажают действительную ситуацию, и эти искажения касаются именно этнических взаимоотношений.

Проблема общих и особенных черт отдельных славянских народов тоже рассматривалась неоднозначно. Признавая факт существования первоначального славянского единства, ученые рассматриваемого периода по-разному определяли время его существования и распада, а также обстоятельства этот распад обусловившие. Но надо заметить, что в тот период проблема дифференциации славян относилась преимущественно к плоскости лингвистической проблематики. Поэтому на анализе особенностей того или иного славянского языка и строились объяснения обстоятельств распада славянской общности.

Еще ко времени И. Добровского относятся попытки научного обоснования теории деления славянских языков. Однако первоначально это деление было двухчастным. Выделялись восточнославянская и западнославянская ветви. Производными языками от первой ветви являются русский, старославянский, иллирийский, хорватский и словенский. Языками, производными от второй ветви, являются чешский, словацкий, лужицко-сербский и польский. Подобной точки зрения придерживались многие представители восточноевропейской историографии вплоть до второй половины XIX века. В частности известный русский славист, ученик П. Шафарика, Измаил Иванович Срезневский (1812 – 1880), читая лекции о славянском мире в Харьковском университете, выделял восточно- и западнославянскую ветвь, правда, дополнительно подразделяя последнюю на т.н. южную и северную отрасли [2]. В своем труде «Мысли об истории русского языка», изложенным Срезневым на годичном торжественном собрании Петербургского университета 8 февраля 1849 г., он изложил взгляд на соотношение и различия языка народного и языка книжного, дал четкую картину развития русского языка и его становления как самостоятельного феномена культуры.

Постепенно шло формирование теории разделения славянских языков на три ветви. Часто авторство ее связывают с именем русского филолога А.Х. Востокова (1781 – 1864). Хотя большую разработку теория получила в работах его последователей, таких как В. Григорович, А. Будилович [7, с. 43-44].

В частности, значительный вклад в исследование проблемы внесла работа «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях» видного русского ученого-слависта Антона Семеновича Будиловича (1846 – 1908). В своем исследовании Будилович пытался установить основные лексико-семантические сферы общеславянского языка, относящиеся к верованиям, явлениям природы, занятиям, промыслам, ремеслам, рукоделиям, яствам и питьям, одежам и украшениям, хозяйственным постройкам и сооружениям, домашней утвари, посуде и снарядам, играм и музыкальным орудиям и т. п. Подчеркивая важность изучения языка в деле реконструкции прошлого славянских народов, он писал: «Мы принимаем при этом не две основные группы славянских наречий... , а три, выделяя по примеру Надеждина и Максимовича, русский язык в особый отдел, срединный между диалектическими полярностями славянского запада и юга, хотя и сближающийся больше с последним» [1, с. 10]. Обосновывая необходимость подобного разделения, автор приводит соображения как лингвистического, так и исторического характера. Причем время распада праславянского языка ученый определяет началом нашей эры.

Что касается позиции вышеупомянутого М.А. Максимовича, то свою концепцию становления «южнорусского» языка он выдвинул в конце 1850-х гг. в дискуссии с М.П. Погодиным на страницах славянофильского журнала «Русская беседа». Утверждая, что южнорусский и севернорусский языки «родные братья, сыновья одной русской речи», которые еще до татарского нашествия обособились друг от друга [5, с. 84-85; 8, с. 129]. Каждый из этих языков, по убеждению Максимовича, включал в себя два наречия: севернорусский – великороссийское и белорусское, а южнорусский – червонорусское и малороссийское (причем именно последнее признавалось наиболее близким к церковнославянскому языку) [5, с. 127].

Вплоть до второй половины XIX в. убежденность в доминирующем значении языка в процессе этнической идентификации начинает претерпевать изменения. Основные группы языков были к 1850-м гг. установлены и систематизированы, и теперь главными стали вопросы о степени этнической близости между носителями родственных языков и об их этногенезе. С активизацией этнографических и фольклористических исследований восточных славян в целом на первый план вышла задача создания теории происхождения отдельных славянских народов.

Так, еще в программе изучения русской народности Н.И. Надеждина в этнографической лингвистике обозначено несколько аспектов. Например, он уточнял, что только «язык народа» «был, так и останется навсегда – главным залогом и главным признаком народности», также было высказано сужение о необходимости разделения «русского» и «российского» языка – как, соответственно, разговорного и официально литературного вариантов. Под первым Надеждин понимал тот, «которым Русь запросто пробавляется», под вторым – находящийся в официальном употреблении. Кроме того, он настоятельно рекомендовал изучать «главные видоизменения» между великороссийским, малороссийским и белорусским языками [6, с. 111-112].

Во второй половине XIX в. в антропологических, этнографических классификациях такой важный признак, как язык, отходит на второй план – точнее, он уступает свое прежнее главенствующее место антропологическим признакам как более точным. Тот же Н.И. Надеждин, который справедливо считается основоположником российской этнографии, детально разработал предметное поле, методы и программу этнографических исследований – прежде всего «русских народов» империи. Определяя характерные черты великороссов как одной из трех «ветвей» единого этноса, он настаивал на том, что главным способом их выявления должно служить сравнение с малороссами и белорусами по ряду параметров. Сопоставление «географического значения» термина великороссы и его этнографического содержания привело Надеждина к заключению, что они не соответствуют друг другу, так как Великая Россия населена представителями многочисленных народов и племен, а великороссы, в свою очередь, населяют и земли за ее пределами. Он полагал также, что именно этнографический смысл понятия (т.е. само слово великороссы) гораздо более употребителен, нежели географический. Именно Надеждин зафиксировал главные отличительные свойства великорусского этноса, хотя подчеркивал, что его отличия малороссийского «оттенка» общерусской народности не является столь значимым, чтобы можно было говорить о том, «будто это не один русский народ, а две отдельные народности» [6, с. 115-116].

Согласно теории американского антрополога **Элмана Сервиса** (E. Service, 1915 – 1996), предшествующей государству стадией также явились **вождества**, где возникла социальная стратификация, отстранение масс от процесса принятия решений. С вызреванием государства центральная власть получила монополию на законное применение силы [4]. Становление государственности явилось следствием необходимости интеграции – потребностей реорганизации организации управления обществом вследствие его усложнения. Исходной же причиной возникновения и основной функцией государства явилось ведение и организация хозяйства [1, с. 156]. Политическая власть возникла, по мнению Э. Сервиса, постепенно в ходе эволюции (дружина, племя, вождь, примитивное государство), и этот процесс был связан прежде всего с управлением совокупными делами общества. Вместе с тем, Э. Сервис отмечает эволюцию власти в сторону самоограничения и признания принципов легитимности, что и означало «путь к цивилизации» [1, с. 156-157].

Американский историк-медиевист **Жозеф Страер** (Joseph Strayer, 1904 – 1987) также уделял в своих работах пристальное внимание ранним этапам формирования государства. Ключевой процесс, по мнению Страера, состоял в установлении более эффективных моделей управления растущими территориями, осуществляемых от лица правителя с помощью все возрастающего количества профессиональных управленцев [11, с. 97]. Политические образования в процессе образования государства следует рассматривать в первую очередь не как завоевательные объекты, а как развивающиеся объединения правящих династий, функционирующие с помощью управленческого аппарата с целью сохранения и увеличения своих владений [11, с. 98].

Гарольд Джон Берман (Harold J. Berman, 1918 – 2007), известный американский юрист и исследователь, особое значение придавал закону в процессе формирования государства [11, с. 98]. Кроме того, Г.Д. Берман особое внимание уделял роли священнослужителей и их специфической деятельности в образовании государств, утверждая, что первые государства на Западе сформировались с помощью церкви в лице папства в к. 11 – 12 вв. [11, с. 98].

Дональд Куртц (D.V. Kurtz) – американский антрополог, обращаясь к вопросам государственности, пристальное внимание уделяет эволюции политической власти. Политика опирается на политических деятелей, особенно лидеров, приобретающих и использующих власть для достижения общественных и частных целей [10, с. 93]. Государство определяется исследователем как образование, состоящее из иерархической структуры взаимосвязанных частных ведомств. В процессе эволюции государства эти ведомства наделяются властью, обычно уполномоченной главой государства для осуществления намерений, определенных их природой, такой как сбор налогов, строительство дорог, судебное дело и др. [10, с. 100]. То есть, подчеркивает Д. Куртц, государство – очеловеченная организация со специальным доступом к власти. Но она эффективна только когда она осуществляется с помощью человеческих представителей – королей, премьер-министров и т.д. [10, с. 105].

Рассмотренные концепции и теории современных антропологов вполне приложимы к анализу перехода к государственности и в восточноевропейском регионе, позволят включить его в общеевропейский и мировой исторический контекст.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ерасов, Б.С. Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия : учебное пособие для студентов вузов / Б.С. Ерасов. – Москва : Аспект Пресс. – 1998. – 556 с.
2. Карнейро, Р. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства / Р. Карнейро // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 84-94.
3. Классен, Х.Дж.М. Было ли неизбежным появление государства? / Х.Дж.М. Классен // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград : Учитель, 2006. – С. 71-84.
4. Крадин, Н.Н. Политическая антропология / Н.Н. Крадин. – 2004. – [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/187525/read/>. – Дата доступа : 14.11.2012.
5. Саутхолл, Э. О возникновении государств / Э. Саутхолл // Альтернативные пути к цивилизации : кол. монография. – М. : Логос. – 2000. – 386 с.
6. Carneiro, R.L. Multiple Trajectories in Political Development: Review of Jonathan Haas (ed.), From Leaders to Rulers / R.L. Carneiro // Social Evolution and History, Vol. 3. – 2004. – № 1. – March. – С. 162-175.
7. Carneiro, R.L. Was the Chiefdom a Congelation of Ideas? / R.L. Carneiro // Social Evolution and History, Vol. 1. – 2002. – № 1. – July. – С. 80-100.
8. Claessen, H.J.M. Before the Early State and After: An Introduction / H.J.M. Claessen // Social Evolution and History, Vol. 7. – 2008. – № 1. – March. – С. 4-18.
9. Claessen, H.J.M. On Early States – Structure, Development and Fall / H.J.M. Claessen // Social Evolution and History, Vol. 9. – 2010. – № 1. – March. – С. 3-51.
10. Kurtz, D.V. Political Power and Government: Negating the Anthropomorphized State / D.V. Kurtz // Social Evolution and History, Vol. 5. – 2006. – № 2. – September. – С. 91-111.
11. Poggi, G. Formation and Form. Theories of State Formation / G. Poggi // The Blackwell companion to political sociology [ed.] K. Nash, A. Scott. – Blackwell : Blackwell Publishing, 2006. – 478 с.